

БОРИС МЕЖУЕВ*

ПАМЯТИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА МАСЛИНА (1947–2025)**

20 июня 2025 г. от сердечного приступа скончался профессор Московского университета, многолетний руководитель кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, блестящий знаток отечественной мысли Михаил Александрович Маслин. Скупые биографические сведения об этом замечательном ученом каждый легко может почерпнуть из «Википедии» или же из созданной под руководством самого Маслина Энциклопедии «Русская философия». Здесь же хочется сказать в целом о нем как об ученом и преподавателе. Жизнь этого человека практически неотделима от той кафедры, которую он возглавлял и которую во многом создал.

Кафедра, которую возглавлял Михаил Александрович, существовала в МГУ с 1943 г., и в самом начале она называлась кафедрой истории русской философии, но в 1955 г. сменила название на более интернациональное — кафедра истории философии народов СССР (сокращенно ИФНС). В 1992 г., побыв недолгое время кафедрой отечественной философии, она вернула себе наименование «русской», в чем была заслуга и предшественника Михаила Александровича, ныне здравствующего Валерия Александровича Кувакина. Однако именно М. А. Маслин задал кафедре то направление, которое в итоге сделало ее одним из главных центров изучения и преподавания отечественной мысли. Сам Маслин определял это направление как «единство в многообразии» русской философии, или — цитирую название его последней книги — «разноликость и единство русской философии». За этим выражением стояла определенная программа в целом очень простых, но совсем не тривиальных постулатов, необходимых для восприятия данной науки. Все эти постулаты и в начале 1990-х гг., когда Маслин пришел к руководству кафедрой, да и сегодня постоянно оспариваются оппонентами,

*Межуев Борис Вадимович, к. филос. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва), borismezhuev@yandex.ru.

**© Межуев, Б. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и можно точно сказать, что если бы оппоненты возобладали, то истории русской философии просто не было бы как дисциплины или же она превратилась бы в политическую идеологию.

В чем состоят эти постулаты? Во-первых, в представлении о том, что русская философия существует, и она отличается от западной, но не своим предметом, а своим подходом. Михаил Александрович любил цитировать фразу Б. П. Вышеславцева о том, что русская философия имеет тот же предмет, что и западная, но отличается своим видением этого предмета. И в стенах факультета, и за его пределами, и в 1990-е гг., и сейчас часто звучит мнение, что русской философии никогда и не было, а были только отдельные грамотные европейские философы русского происхождения. Отсюда иногда делался вывод, что никакого особого курса истории русской философии быть не должно, а вместо него следует создать серию лекций об истории философии в России. Так считали своего рода философские ультразападники, с кем Михаил Александрович всегда умно и обоснованно спорил. Однако были и ультраславянофилы, которые полагали, что русская философия представляет собой нечто ни на что не похожее, нечто несопоставимое ни с чем европейским и западным. Но и с этой «ересью» Маслин всегда полемизировал, главным образом потому, что он понимал: стоит подойти к живой русской мысли с подобным националистическим скальпелем, отсекая от нее все европейское по происхождению, — говорить будет просто не о чем. Точнее, придется говорить не о философии, а в лучшем случае о публицистике, причем не всегда глубокой и взвешенной. Итак, первый постулат Маслина — русская философия как особое направление действительно существует, и она вполне сопоставима с европейской, причем сопоставима в двух смыслах этого слова — и в том смысле, что она не хуже, и в том, что она может и должна быть рассмотрена и осмыслена прежде всего в европейском контексте.

Следует сказать, что непосредственной темой исследований Михаила Александровича, в том числе темой его докторской диссертации, которую он защитил в 1989 г., была западная историография русской мысли¹. В 1981 г. Маслин провел четыре месяца на стажировке в США, в университете штата Огайо, где занимался изучением запад-

¹ Маслин М. А. Современные буржуазные концепции истории русской философии. Критический анализ. — М. : МГУ, 1988.

ной историографии русского народничества². Его непосредственным консультантом с американской стороны был известный исследователь Джордж Скэнлэн, Михаил Александрович также вступил в переписку с переводчиком «Истории русской философии» Зеньковского на русский язык Джорджем Клайном. Впоследствии Михаил Александрович уже как руководитель кафедры уделял важнейшее внимание развитию международных контактов цеха историков русской философии, причем совершенно не замыкаясь на западном мире: столь же большое внимание он уделял научным взаимоотношениям с китайскими коллегами. Его последняя книга 2017 г., название которой мы цитировали, «посвящена сербским друзьям». В 2016 г. он вступил в переписку с известным польским историком, исследователем русской общественной мысли Анджеем Валицким. Эта переписка была полностью опубликована в Историко-философском альманахе, и она представляет большой интерес для исследователей русской философии³. Маслин считал, что исследователи и пропагандисты русской философии за рубежом, кто в меру сил противостоит агрессивной русофобии в своих странах, и есть лучшие носители «мягкой силы» России за рубежом. И он не отделял дело науки от задачи пропаганды того, что можно назвать «русской идеей» в других странах мира.

Второй постулат Маслина — русскую философию делают не только русские по национальности люди, и русская философия не обязательно пишется на русском языке. Если первый тезис редко вызывает споры, то последний вызывает вопросы, которые Михаил Александрович парировал указанием на то, что многие тексты, которые входят в канон отечественной мысли, были написаны на церковнославянском и латинском языках: «Философические письма» Чаадаева, как известно, писались на французском, равно как и «Русская идея» Владимира Соловьева. Можно добавить, что капитальный труд последних лет одного из любимых мыслителей Михаила Александровича, Георгия Федотова, «Русская религиозная мысль» — создавался на английском, а многие классические работы по истории русской философии Дмитрия Чижевского еще требуют перевода с немецкого. Такой широкий подход позволил сохранить в рамках программы кафедры истории русской

²Ранее он выпустил в свет монографию, которая легла в основу его кандидатской диссертации: *Маслин М. А.* Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества. — М. : Московский университет, 1977.

³Переписка Анджея Валицкого и М. А. Маслина (1997–2019) // Историко-философский альманах. Вып. 7. — М. : А. В. Воробьев, 2022. — С. 159–200.

философии исследования в области кавказской философии, на кафедре защищались дипломы и диссертации по истории философии других народов России и дальнего зарубежья. В каком-то смысле кафедра истории русской философии во многом замещала собой целые направления работы разного рода фондов, которые должны заниматься укреплением отношений в рамках СНГ и Евразийского сообщества.

Наконец, третий постулат Маслина, вошедший в его программу работы кафедры, — в истории русской философии не должно быть ущемления ни одного из ее многочисленных течений. Проще говоря, история русской философии — это не история русского освободительного движения, но это и не история русских религиозных исканий. Мы должны изучать не только Бердяева, Вл. Соловьева и отца Павла Флоренского, так же как не должны заниматься только Чернышевским, Бакуниным и Плехановым. Русская философия имеет свою имманентную логику развития, и в рамках этой логики материализм и позитивизм так же важны, как философия всеединства и неолейбницианство. На кафедре истории философии никогда не было предпочтений ни религиозной философии, ни философии материалистической или сугубо научной. Опять же, этот подход устраивал далеко не всех. В вышеупомянутой переписке с Анджеем Валицким Маслин упоминает о «религиозных фундаменталистах» вроде покойного Сергея Хоружего, для кого история русской философии имеет смысл только как история религиозно-философского возрождения⁴. Впрочем, в последнее время дают о себе знать и дру-

⁴Объясняя Анджею Валицкому смысл отнесения к его трудам пушкинского выражения «добру и злу внимая равнодушно», Маслин писал: «Необходимо разъяснить, какой смысл я вложил в цитату из „Бориса Годунова“. Слова „добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева“, разумеется, никак не относятся к стилю Вашего академического письма и к методологии рецензируемой книги. Обращаю Ваше внимание на то, что этой цитате предшествуют рассуждения общего порядка о том, каким „в идеале“ должен быть жанр интеллектуальной истории. Не называя конкретных имен, я посредством этой общеизвестной цитаты хотел одернуть тех авторов, которые главным и единственным содержанием русской философии видят ее „встречу с православием“ (это абсолютное „Добро“). А всякие белинские, чернышевские и прочие плехановы — это абсолютное Зло, на которое надо „наплевать и забыть“. Именно такова позиция, например, С. С. Хоружего, который на самом деле возрождает ту самую „партийность“ (хотя в ином облики), которую в России уже „проходили“. Отсюда конструирование некой изобретенной им самим „синергичной антропологии“ в качестве „высшего достижения“ русской философии и т. п. И Хоружий не одинок, с разными оттенками подобная позиция воспроизводится в научной литературе, а вместе с этим воспроизводятся и новые стереотипы уже постсоветского времени. В ответ Хоружему и подобным ему „религиозным детерминистам“ выдвигаются неуклюжие „опровержения“, которые выглядят ничуть не лучше, а даже хуже. Одному из

гие подходы, столь же радикально заужающие пространство русской мысли. Например, Александр Дугин предлагает фактически поставить вне закона русский либерализм (иными словами, Бориса Чичерина, Павла Новгородцева и обоих братьев Трубецких мы должны вычеркнуть из русской мысли), а Игорь Евлампиев настаивает в последних публикациях на том, что настоящая русская философия — это своего рода возвращение к антицерковному гнозису, что исследователем оценивается как ее заслуга. В общем, стоит подойти к русской философии с какой-то ценностной меркой, увидеть кого-то более, а кого-то — менее русским из тех, кто писал о философии на русском языке и внес свою лепту в развитие отечественного философского сознания, и мы снова окажемся не в научной среде, а в некоей партийной ячейке, а еще вернее — в религиозной секте со своими сектантскими критериями отбора: кого изучать надо, а кого не следует. Со всеми этими сектантскими отступлениями от науки Михаил Александрович горячо спорил и, следует признать, в этой борьбе преуспел.

Прежде всего, он сразу же внес на кафедру дух научного исследования, основанного именно на этих постулатах. Под его руководством был опубликован и затем много раз переиздавался словарь «Русская философия», который впоследствии уже издавался как энциклопедия. В 1999 г. вышел в свет и созданный под руководством М. А. Маслина учебник «История русской философии» — возможно, лучшее пособие для изучения данной дисциплины из всех, что появлялись в последнее время. Сам Михаил Александрович написал множество статей по самым разным направлениям отечественной мысли, включая такие явления, как Московская психологическая школа, евразийство, творчество Розанова и Бахтина, историософия Бердяева и Вл. Соловьева⁵.

Наверное, у каждого, кто не был знаком с Михаилом Александровичем, может сложиться из сказанного мной впечатление, что он был убежденный западник, в духе Белинского, Степуна или, скажем, того направления в современной истории русской философии, которое,

таких „опровергателей“ я недавно возражал (см. мою реплику „Реформатор русской философии“. Вопросы философии, 2015, № 5). Таким образом, позиция „до ту сторону добра и зла“ означает лишь неприятие рецидивов „неопартийности“ и ее адептов. Однако было неприлично вступать с кем-либо в персональную полемику в рецензии на Вашу книгу» (Переписка Анджея Валицкого и М. А. Маслина (1997–2019) // Историко-философский альманах. Вып. 7. — М. : А. В. Воробьев, 2022. — С. 159–200: 178–179).

⁵См., например, его последнюю книгу: *Маслин М. А. Разноликость и единство русской философии.* — СПб. : РХГА, 2017.

может быть, лучшим образом представлено в работах, к сожалению, уже ушедшей из жизни Н. В. Мотрошиловой. Между тем это совсем не так: Михаила Александровича скорее следует причислить к «русофилам» в лучшем смысле этого слова, но к тем из них, кто считает, что подлинный русский дух проявляется, действительно, не только во всеотзывчивости нашей натуры, но и во всеохватности культуры, а также в строгом научном подходе, исключающем поверхностность и научную предвзятость. Фактически он заложил методологические основы, идейные рамки дисциплины, определив параметры ее развития на долгое время. Отступить от самого принципа «единства в многообразии» для утверждения собственных неизбежно узких представлений о «правильной» русской философии, которой только и нужно заниматься, теперь будет сложнее. Ученики и последователи Михаила Александровича будут держаться его принципов, то есть углублять наше представление о «разноликости» русской философии, не забывая о ее глубинном «единстве».

Mezhuyev, B. V. 2025. "Pamyati Mikhaila Aleksandrovicha Maslina (1947–2025) [In Memory of Dr. Mikhail Maslin (1947–2025)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (2), 444–449.

BORIS MEZHUYEV
PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA)

IN MEMORY OF DR. MIKHAIL MASLIN (1947–2025)